

В МИРЕ КРАСОК, МЕЛОДИЙ, СЛОВА.

ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯ

Первое имя на афише



ведных дел» героев. Отбор ведет он, автор литературной основы спектакля, и от него целиком зависит лабиринт действия, фабула зрелища. По репликам в диалоге, по решительным или робким поступкам и речам, даже по

умолчанию автор очерчивает характер действующего лица. Такая работа! Отбирай, выстраивай, очерчивай...

Дальше вступает в свои права театр. Подхватит он слово драматурга, окрылит его вдохновением, которое далеко не всегда осеняет лицедеев-актеров, вгонит замысел в плоть сценического представления, — тогда успех. И восторги зрителя прежде всего ему, театру, им, артистам. Когда я вижу в такие минуты К. Губаревича где-нибудь в боковой мулясе, мне кажется, что он сам уже где-то не здесь, а с новыми своими персонажами новой пьесы. Дело ведь сделано, спектакль как произведение театрального искусства зажил своей жизнью!

Кто-нибудь назовет это скромностью, которая паче гордости. Нет. У писателя К. Губаревича свое мнение о роли

и назначении драматурга. Драматический литератор для него — разведчик. Смелый, оперативный, зоркий. Вот жизнь выявила в человеке какие-то заветные свойства характера, он вдруг возвысился духом до самоотверженности, то ли сник до рабского пресмыкания — художник, запечатлей его! Записи его речь, запомни взгляд, удержи в памяти песенку на его устах, взглядишь в лицо... Драма не скрывает стремления подражать жизни, и, перечитывая пьесы и сценарии К. Губаревича, улавливаешь это. Но подражать жизни, драма осмысляет и преображает впечатления от действительности — в сюжет, в жанр (от высо-

кой трагедии до водевиля). Запечатлевая, преобразует!

Лучшим произведением К. Губаревича слывет «Брестская крепость». Художественное правдоподобие пьесы признали самые авторитетные судьи — участники боев в цитадели над Бугом в июне—июле сорок первого. Им до слез было знакомо все то, что почти тысячу раз из года в год с марта 1953 года показывал театр имени Ленинского комсомола Белоруссии в Бресте. «Вы своей постановкой заставили нас еще раз заново пережить те незабываемые дни... Ваш спектакль взбудоражил наши души...» — так говорили немногословные

поседевшие мужчины. Это они на памятной заре 22 июня юнцами отбивались у Тереспольских ворот и бросались в контратаки против гитлеровцев у стен гарнизонного клуба. Много лет спустя они узнавали на сцене своих побратимов, которым рукоплескали зрители Москвы и Калининграда, Киева и Смоленска, Львова и Витебска...

В минуты досуга — К. Губаревич за шашечной доской. Любит он загнать в тулик очередного «противника». И шутит: «Это вам не пьесы сочинять... Да, пьесы пишутся в тишине уединения. Сходство с жизнью их персонажей условно, даже обманчиво. Всего две-три реплики на бумаге (возглас, отповедь, призыв, недоумение, двусмысленный намек) — и герой в чем-

то приоткрывается, а зрители догадываются, с кем и для чего знакомит их театр. Встречаются у К. Губаревича страницы, на которых по таким живописным вкраплениям в мозаику пьесы можно составить представление о глубоком характере, о личности; случаются страницы, где высказывания персонажа дают лишь планчатное очертание фигуры. Десять, порою сотни раз переписанные фразы — вот «текст» произведения в каких-нибудь шестидесят машиннописных страниц.

«Переписанные»? Не только: сперва произнесенные, вымолвленные, пережитые и сыгранные автором в творческом уединении. Писатель как бы сливается с персонажем. И в драме («Брестская крепость», «Брестский мир», «Главная ставка», «Первый урок», «Партизанская зона»), и в комедии («Алазанская долина», «Простая девушка», «На крутом повороте»), и в киносценарии («Девочка ищет отца», «Анютина доро-

га», «Полонез Огинского», «Деревья на асфальте»). Закрепив на бумаге самые верные, на его взгляд, и впечатляющие реплики и монологи, отдает написанное режиссеру. Поймут драматурга, уловят интонацию, вдохнутся в театре или на студии — получится художественная версия жизненных обстоятельств и столкновений. А в ней — поучительная мораль. И мы поговорим об актерах, о режиссуре, о достоверности и яркости... А он?

Драматург отступает от авансцен. Он пишет новую вещь. Такая служба у лауреата Государственной премии БССР и премии Ленинского комсомола Белоруссии заслуженного деятеля искусств БССР Константина Леонтьевича Губаревича. Вечно недовольного достигнутым.

Борис БУРЬЯН.
Фото В. Крука.